№ 135
2102

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(ХАРАКТЕРИСТИКА).

891
1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Т-во Издательскаго Бюро.
1908.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

367
31

Типо-Литографія І. ЛУРЬЕ и Ко, Гороховая, № 48.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый очеркъ былъ напечатанъ въ газетѣ „Наша Жизнь“ два года тому назадъ. Я рѣшилъ переиздать его (въ нѣсколько-измѣненномъ и исправленномъ видѣ) въ виду того интереса, который возбуждается въ настоящее время личностью и дѣятельностью Герцена. Въ мою задачу не входило ни изложеніе его біографіи, ни оцѣнка его сочиненій по существу. Предполагая современемъ издать особый трудъ о Герценѣ, я выпускаю въ свѣтъ настоящій краткій очеркъ, какъ родъ предисловія къ будущей книгѣ,—предисловія, имѣющаго цѣлью дать предварительную характеристику личности и идеологіи великаго писателя, какъ я понимаю ихъ.

Весь чистый доходъ съ перваго изданія этой книжки поступитъ въ пользу недостаточныхъ слушательницъ С.-Петерб. Высшихъ женскихъ курсовъ („Бестужевскихъ“).

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(ХАРАКТЕРИСТИКА).

I.

А. И Герценъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые пріобрѣтаютъ право на будущее, на безсмертіе тѣмъ, что были кровно связаны со своимъ настоящимъ, пережили всѣ важнѣйшія муки и радости своей эпохи, выстрадали ея историческую страду и ея—очередной—идеалъ. Даръ жить полнотою жизни своего времени—это рѣдкій и цѣнный даръ. Его нѣтъ у большинства среднихъ людей, какъ нѣтъ его и у многихъ выдающихся дѣятелей мысли и жизни, способныхъ прозрѣвать въ будущее и понимать въ „дальнее". Сравнительно рѣдко являются въ исторіи великіе умы, одинаково обладающіе и живымъ пониманіемъ или чутьемъ настоящаго, и дальнозоркимъ прозрѣніемъ въ будущее. Такого прозрѣнія не было и у Герцена. Онъ слишкомъ полно, слишкомъ интенсивно жилъ настоящимъ, чтобы прозрѣвать далеко въ будущее, — его взоръ былъ затуманенъ романтизмомъ и скептицизмомъ, — и, по всему складу своей натуры, по строю своего огромнаго ума и характеру яркаго дарованія, онъ былъ призванъ къ тому, чтобы жить полнотою жизни даннаго историческаго момента, но не къ тому, чтобы взирать на жизнь съ той высоты, съ которой открываются взору широкіе и далекіе горизонты грядущаго.

Но вѣдь всякое „настоящее" есть только переходъ отъ прошлаго къ будущему, и задача каждаго поколѣнія въ концѣ концовъ сводится къ тому, чтобы совершить этотъ переходъ по

возможности экономнѣе, съ наименьшею затратою напрасныхъ усилій, съ возможно большимъ отрѣшеніемъ отъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго тормазовъ или путъ мысли, а это невозможно безъ нѣкотораго прозрѣнія въ будущее, хотя бы ближайшее. Большинство людей только чувствуютъ будущее: его перспектива имъ не видна. Герценъ, при его огромномъ умѣ, широкомъ, всестороннемъ образованіи, живомъ воображеніи, рѣдкой наблюдательности и вдумчивости, разумѣется, не ограничивался однимъ ощущеніемъ будущаго: оно строилось въ его созерцаніи, въ его чаяніяхъ, въ его разочарованіяхъ. Но его взоръ не былъ достаточно присталенъ и холоденъ, чтобы видѣть далеко и ясно. Его духъ не былъ достаточно спокоенъ, чтобы разумѣть эволюцію человѣчества. И его несомнѣнныя права на вниманіе и признаніе потомства основываются главнымъ образомъ на томъ, что, переживъ полностью историческую жизнь настоящаго, онъ тѣмъ самымъ явился піонеромъ будущаго.

Къ человѣку, который прожилъ такую жизнь и разсказалъ ее, хотя бы и безъ особеннаго таланта разсказчика, будущія поколѣнія отнесутся не только съ великимъ уваженіемъ, но и съ великимъ интересомъ. Это уваженіе и интересъ, это имя въ потомствѣ превратятся въ „безсмертіе“, если такой человѣкъ обладалъ исключительнымъ дарованіемъ или геніальностью. Его повѣсть о самомъ себѣ, о своемъ времени, о томъ, какъ онъ жилъ полнотою жизни своей эпохи, изложенная, напримѣръ, въ великолѣпныхъ стихахъ „Чайльдъ-Гарольда“, или въ великолѣпной прозѣ „Былого и Думъ“, не будетъ сдана въ архивъ исторіи и навсегда останется живымъ достояніемъ развивающагося человѣчества.

Но понимать и изучать такихъ людей труднѣе чѣмъ тѣхъ, которые не жили полнотою жизни своей эпохи и стяжали „безсмертіе“ другими путями, напримѣръ, крупнымъ открытіемъ въ наукѣ, созданіемъ великой философской системы, великаго художественнаго обобщенія, предвосхищеніемъ будущаго идеала и т. д. Людей, жившихъ полнотою жизни эпохи, сравнительно труднѣе понимать и изучать не только потому, что нужно сперва ознакомиться съ ихъ эпохою и уяснить себѣ, въ чемъ состояла полнота жизни въ то время, но еще болѣе по другой причинѣ,

а именно: наша собственная жизнь, личная и общественная, наша очередная историческая задача, наши текущія радости и скорби мѣшаютъ намъ вникнуть въ чужую жизнь, понять историческую задачу прошлаго, перечувствовать давно угасшія радости и скорби. Оттуда — цѣлый рядъ недоразумѣній между поколѣніями, между „дѣтьми“ и „отцами“, между эпохами, даже близкими. Особенно видную роль въ этихъ недоразумѣніяхъ играютъ иллюзіи: человѣкъ, жившій нѣкогда полнотою жизни своей эпохи, жилъ ея иллюзіями по преимуществу. Мы живемъ своими иллюзіями, хотя бы и не жили всей полнотою жизни нашей эпохи. Понять чужія иллюзіи, къ тому же уже отошедшія, въ прошлое, не легко человѣку, одержимому своими, новыми современными. Конечно, не трудное дѣло — понять чужія или прошлыя — историческія — иллюзіи внѣшнимъ образомъ, уразумѣть ихъ формулы, ихъ слова Но мы говоримъ о пониманіи интимномъ, о разумѣніи не формулъ и словъ иллюзій, а ихъ психологіи, ихъ душевной исторіи, ихъ сокровенной драмы. Совпаденіе формулъ и словъ нерѣдко вводитъ насъ въ заблужденіе, заставляя предполагать совпаденіе соотвѣтственныхъ движеній мысли и чувства; потомъ оказывается, что, пользуясь тѣми же выраженіями и лозунгами, люди никакъ не могутъ столковаться и понять другъ друга.

Герцену пришлось переиспытать немало всяческихъ недоразумѣній и столкновеній. Они возникали между нимъ и его сверстниками, между нимъ и представителями младшаго поколѣнія, между нимъ и русскимъ обществомъ. Со всѣхъ сторонъ (преимущественно въ 60 годахъ) онъ былъ опутанъ сложною сѣтью взаимнаго непониманія, доходившаго порою до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, при которыхъ постороннему наблюдателю остается только развести руками и сознаться въ своемъ неумѣніи, съ своей стороны, понять эту путаницу отношеній, коллизій и нареканій. Нельзя понять Герцена, не распутавъ предварительно этотъ клубокъ. Новые изслѣдователи Герцена и его эпохи уже распутали и разъяснили многое, но не мало остается еще запутаннаго и темнаго. Быть можетъ, небезполезнымъ окажется въ этомъ дѣлѣ предлагаемое мною воззрѣніе на Герцена, какъ на великаго человѣка, который, не понимая будущаго съ доста-

точною ясностью, очень много сдѣлалъ для него только тѣмъ, что всѣми фибрами души своей чувствовалъ тяготу настоящаго и жилъ полнотою исторической жизни эпохи...

II.

Читая и перечитывая Герцена, нельзя не подчиниться власти его огромнаго ума, его исключительнаго дарованія, и въ особенности не испытать обаянія его личности, совершенно неотдѣлимой отъ его сочиненій, такъ ярко выступающей въ нихъ во всей своей оригинальности, во всемъ блескѣ своихъ духовныхъ силъ. Трудно найти у насъ другого писателя, который бы такъ жилъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ Герценъ. Къ нимъ какъ-то не подходитъ даже терминъ: „сочиненія". Все, что такъ или иначе отзывается сочинительствомъ, „литературностью", „кабинетною работою" и что въ извѣстной мѣрѣ присуще трудамъ величайшихъ писателей, почти совсѣмъ отсутствуетъ у Герцена. Это сказывается прежде всего въ его языкѣ, стилѣ, манерѣ письма. Небрежность и неправильность его слога, изобилующаго галлицизмами, зачастую непріятно поражаютъ нашъ слухъ, избалованный мастерами русскаго литературнаго языка, но зато подкупаютъ насъ искренностью, естественностью живой рѣчи и заставляютъ вспоминать мѣткое слово Пушкина:

Какъ устъ румяныхъ безъ
улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю..

Извѣстны отзывы Тургенева: „Языкъ его, до безумія неправильный, приводитъ меня въ восторгъ: живое тѣло...".—„Всѣ эти дни я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части „Былого и Думъ" Герцена, въ которой онъ разсказываетъ исторію, своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это—горитъ и жжетъ.. Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ".

Языкъ и вообще литературная манера Герцена—это живая передача всего продуманнаго, прочувствованнаго, пережитаго;

это-не копія, не снимокъ, а какъ бы заново пережитая жизнь. Оттуда ощущеніе правды, отъ котораго мы не можемъ отдѣлаться даже тогда, когда находимъ у него мысли, кажущіяся намъ неправильными, понятія, завѣдомо ложныя, ошибки, которыя были таковыми уже въ то время.

Въ воззрѣніяхъ Герцена весьма многое подлежитъ критикѣ и рѣшительному отрицанію. И такое отрицаніе въ свое время высказывалось людьми, не меньше Герцена послужившими великому дѣлу созданія нашей общественной и политической мысли. Укажу на Чернышевскаго съ одной стороны, на Тургенева съ другой. И въ настоящее время послѣ всего, что сдѣлано до сихъ поръ въ Зап. Европѣ и у насъ для раціональной постановки проблемъ соціальной борьбы и общественнаго развитія, вопроса національнаго и т. д., мы, критикуя воззрѣнія Герцена принуждены будемъ, въ одномъ случаѣ, стать на сторону такихъ противниковъ его, какъ Чернышевскій, въ другомъ-такихъ, какъ Тургеневъ, и почти по всѣмъ пунктамъ идеологія и міросозерцаніе Герцена разойдутся съ нашими. Но при всемъ томъ, намъ прійдется признать, что ошибки Герцена были, если можно такъ выразиться, „ошибками“ самой исторіи, отраженными въ въ умѣ и чувствѣ великаго человѣка, жившаго всего полнотою жизни даннаго историческаго момента

Крупныхъ ошибокъ за Герценомъ числится двѣ; 1) онъ не понялъ и не оцѣнилъ того великаго движенія русской общественной мысли, которое зачиналось въ концѣ 50-хъ годовъ (въ самый разгаръ политической дѣятельности Герцена) и было связано съ великими именами Чернышевскаго и Добролюбова; 2) онъ не понялъ и не оцѣнилъ зачинавшагося въ 60-хъ годахъ величайшаго въ новѣйшей исторіи Европы движенія — рабочаго, руководимаго тогда Карломъ-Марксомъ, какъ не понялъ значенія научно-философскихъ идей великаго экономиста*).

*) Отношенія Герцена къ Марксу разъяснены и освѣщены въ превосходной статьѣ г Богучарскаго „А. И. Герценъ“, его конфликтъ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ изложенъ въ очеркѣ того-же автора „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли“ (см В. Богучарскій „Изъ прошлаго русскаго общества“, С.-Петербургъ, 1904 г.)

Менѣе важна, но очень любопытна третья ошибка Герцена — его сентиментальное или романтическое воззрѣніе на Россію, на русскій народъ, противопоставляемые Западной Европѣ, будто бы уже дряхлѣющей,— воззрѣніе, которое можно назвать „соціалистическимъ славянофильствомъ“ или „русскимъ мессіянизмомъ“ Герцена.

Уже одного бѣглаго указанія на эти „ошибки“ достаточно, чтобы видѣть въ Герценѣ типичнаго представителя 40-хъ годовъ,— той идеологіи, которая войдя въ плоть и кровь лучшихъ людей эпохи, пережила—въ 50-хъ и 60 годахъ—свое время и, среди новыхъ задачъ, идей и стремленій, у насъ и въ Зап. Европѣ, являлась грустнымъ воспоминаніемъ прошлаго, красивою мечтою угасающей жизни, странною и чарующею задумчивостью среди шума и суеты новыхъ движеній, новой борьбы и новыхъ мыслей, для пониманія которыхъ нужно было имѣть гораздо больше, чѣмъ было у Герцена, „любви къ дальнему“ и поменьше той полноты жизни въ прошломъ, которая приворожила мысль и чувство великаго писателя къ „былому“ и набросила на его яркія, блестящія, глубокія „думы“ траурный флеръ воспоминаній о томъ, что „было и не будетъ вновь“.

„Былое и Думы“ — величайшее произведеніе Герцена и одно изъ великихъ твореній міровой литературы. Въ немъ весь Герценъ, со всѣмъ блескомъ его ума, съ его искрящимся остроуміемъ, со всею глубиною и всею грустью его мысли, со всѣмъ романтизмомъ его мечты, со всею полнотою его жизни — идеалиста 40-хъ годовъ, читающаго отходную своей идеологіи и себѣ самому въ 50—60-хъ годахъ. Не ищите тамъ „любви къ дальнему“, безъ которой невозможно р а ц і о н а л ь н о е прозрѣніе даже въ ближайшее будущее. Взамѣнъ того вы найдете тамъ любовь къ тому прошлому, когда слагалась въ московскихъ спорахъ нравственная и умственная сила Герцена. Не ищите тамъ и слѣдовъ того „экономизма“, безъ котораго съ 60-хъ годовъ стало невозможнымъ сколько нибудь раціональное и жизнеспособное міровоззрѣніе, — взамѣнъ того вы найдете тамъ „культъ героевъ“,— какъ Гарибальди, Мадзини и другіе, въ ряду которыхъ, разумѣется, не оказалось мѣста для Карла-Маркса.

„Былое и Думы—историческая хроника цѣлой эпохи, освѣщенная задушевною исповѣдью русскаго идеалиста, не переставшаго въ изгнаніи вздыхать о далекой родинѣ, которую онъ страстно любилъ и освобожденію которой отъ гнета дореформенныхъ порядковъ онъ такъ могущественно содѣйствовалъ.

Для нашего освобожденія (начавшагося въ 1861 году въ формѣ раскрѣпощенія и затянувшагося до нашихъ дней) онъ сдѣлалъ, быть можетъ, больше, чѣмъ кто либо изъ его сверстниковъ, за исключеніемъ Бѣлинскаго И эту освободительную роль онъ могъ такъ блестяще сыграть именно благодаря своему рѣдкому таланту—жить полною жизнью эпохи со всѣми ея негодованіями, со всей силою нравственнаго возмущенія, со всею сиротливостью и душевнымъ одиночествомъ русскаго идеалиста и барина—демократа, обреченнаго дома быть „лишнимъ“, въ Европѣ – чужимъ. Герценъ, не меньше Бѣлинскаго, выстрадалъ глухое и суровое время 40-хъ годовъ,—ту „гнусную рассейскую дѣйствительность“, въ которой задохнулся Бѣлинскій. Еще въ 1842 году онъ писалъ въ „Дневникѣ“: „поймутъ-ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія—почка, изъ которой разовьется ихъ счастье.. О пусть они остановятся съ мыслью и грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть“. Эта трагическая сторона существованія не прекратилась съ переселеніемъ Герцена заграницу. Послѣ кратковременныхъ увлеченій и разбитыхъ иллюзій 1848 года, Герценъ оказался—въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Женевѣ—въ положеніи, аналогичномъ тому, въ какомъ находился онъ въ Россіи: опять душевное одиночество, опять чувство сиротливости, опять острое негодованіе и нравственное возмущеніе въ виду повсюду торжествующей реакціи крушенія революціонныхъ иллюзій и наступленія господства буржуазіи или „мѣщанства“, какъ барски-презрительно называлъ ее Герценъ. И многія страницы позднѣйшихъ очерковъ „Былого и Думъ“, какъ и многія письма Герцена, звучатъ тою ж скорбью, которая нѣкогда вылилась въ приведенныхъ выше строкахъ „Дневника“. Опять—одинъ, чужой въ „мѣщанской“ Европе въ будущее которой онъ не вѣрилъ.. Оторванный отъ родины

гдѣ уже скоплялась мгла реакціи, оскорбленный охлажденіемъ къ нему русскаго общества, огорченный обострившимися недоразумѣніями съ представителями молодого поколѣнія, одиноко оживалъ Герценъ свою скитальческую жизнь, отдыхая душой на воспоминаніяхъ о прошломъ и на мечтѣ о великомъ призваніи русскаго народа, долженствующаго когда-нибудь обновить дряхлѣющій міръ живою силою „общиннаго начала“ и широкимъ размахомъ здоровой натуры, неиспорченной европейскимъ „мѣщанствомъ“ ..

То, что мы называемъ ошибками Герцена, было великою правдою его мысли и потрясающею драмою его души. То что называется его „сочиненіями“ — есть исповѣданіе этой правды и воспроизведеніе этой драмы. И это—„горитъ и жжетъ“ отливаетъ всѣми цвѣтами жизни, искрится слезами и смѣхомъ,— это безсмертный памятникъ жизни, прожитой такъ полно, такъ интенсивно, такъ прекрасно, что — помимо высокой цѣнности идей и образовъ — она сама по себѣ стала достояніемъ всѣхъ временъ.

II.

Западничество и славянофильство Герцена.

I.

Переходя къ характеристикѣ идей и идеологіи Герцена, мы должны прежде всего остановиться на отношеніяхъ его къ западничеству и славянофильству. Эти отношенія представляются довольно сложными, но уяснить ихъ нетрудно, ибо самъ Герценъ далъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ „Дневникѣ“ весьма опредѣленныя указанія, благодаря которымъ мы легко можемъ понять, какимъ образомъ въ его міросозерцаніи могли совмѣщаться и примиряться элементы западничества и славянофильства, казалось бы, столь противорѣчивые

Было бы несправедливо назвать его эклектикомъ. Въ его умѣ не было и тѣни доктринерства, доля котораго необходима для построенія системы изъ лоскутковъ, изъ различныхъ, часто противорѣчивыхъ элементовъ. Въ его умѣ, въ его чувствѣ, въ его настроеніи само собою примирялись элементы западническіе съ славянофильскими, находя тамъ созвучныя себѣ струны. Богатая и сложная натура Герцена совмѣщала въ себѣ и ту тягу къ Европѣ, которая образуетъ психологическое основаніе западничества, и то стремленіе къ національному самоутвержденію, которое выразилось въ славянофильствѣ. Въ этомъ смыслѣ Герценъ былъ натурою центральною не меньше Бѣлинскаго (такъ опредѣлилъ Бѣлинскаго Тургеневъ).

Въ 40-хъ годахъ тяга къ Европѣ проявлялась въ душѣ Герцена значительно сильнѣе противоположныхъ стремленій, — и

онъ былъ „западникомъ“, раздѣлявшимъ только нѣкоторыя мысли и мечты славянофиловъ. Какъ писатель, онъ принадлежалъ къ литературной партіи западниковъ; въ лагерѣ славянофиловъ онъ никогда не числился и не принималъ участія въ ихъ журналахъ и сборникахъ. Не разъ приходилось ему выступать въ печати противъ „правой“ стороны славянофильства, а въ бесѣдахъ и спорахъ онъ рѣзко возставалъ противъ всего отсталаго, реакціоннаго, „византійскаго“ въ воззрѣніяхъ передовыхъ славянофиловъ. Извѣстны его горячіе споры съ Хомяковымъ, этимъ застрѣльщикомъ и лучшимъ полемистомъ славянофильства.

Всѣ культурныя блага—свобода совѣсти, мысли, просвѣщеніе, какія выработала и какія сулила западно-европейская цивилизація, были дороги Герцену не меньше, чѣмъ другимъ „правовѣрнымъ“ западникамъ,—и онъ всецѣло раздѣлялъ т о г д а западническую вѣру въ европейскій прогрессъ, въ великія творческія силы и лучшее будущее германскихъ и романскихъ народовъ, о „гніеніи“ которыхъ уже говорили славянофилы. На пресловутой антитезѣ Востока и Запада его мысль не останавливалась тогда.. Онъ былъ—„западникъ“....

И однако же въ его воззрѣніяхъ и въ самомъ складѣ натуры было нѣчто такое, что влекло его къ славянофильству. Прежде всего, это было ж и в о е н а ц і о н а л ь н о е ч у в с т в о, никогда не доходившее у Герцена до національнаго фанатизма, какъ у славянофиловъ, но дававшее ему возможность интимно понимать этотъ фанатизмъ, видѣть въ немъ безкорыстную, благородную основу. Вотъ что позже писалъ онъ въ некрологѣ К. Аксакова: „Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше Аксаковъ; больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ п р о т и в н и к о в ъ, которые были ближе намъ многихъ с в о и х ъ.... У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, охватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту,

къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно ..")

Вотъ именно въ этомъ приподнятомъ, страстномъ чувствѣ національности, сближавшемъ Герцена съ славянофилами, и скрывались зародыши тѣхъ идей, которыя позже, развившись подъ новыми, заграничными, впечатлѣніями, придали всему міросозерцанію Герцена яркій отпечатокъ несомнѣннаго, хотя и очень своеобразнаго, славянофильства или, точнѣе, руссофильскаго мессіянизма. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ заново и по-своему пришелъ къ славянофильской мысли о „гніеніи" западно-европейской цивилизаціи,—странной, романтической, можно сказать, „бредовой" мысли, которая навязчиво прельщала его умъ въ тотъ періодъ его жизни, когда его западническія убѣжденія и симпатіи къ Европѣ не выдержали искуса разочарованій, порожденныхъ крушеніемъ революціонныхъ идеи 1848 года и торжествомъ буржуазной реакціи.

Къ этому-то времени (50-ые и 60-ые годы) и относится расцвѣтъ славянофильства Герцена. Оно отразилось и въ некропогѣ К Аксакова, гдѣ воспоминанія о прошломъ окрасились новыми настроеніями. Въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду это прошлое, т. е. отношенія Герцена—западника къ славянофиламъ въ 40-хъ годахъ, а потому и обратимся къ показаніямъ „Дневника" Герцена, гдѣ эти отношенія отразились, какъ въ зеркалѣ.

II.

Въ 1844 году, въ самый разгаръ литературныхъ и устныхъ споровъ между западниками и славянофилами, Герценъ писалъ въ „Дневникѣ" (подъ 17 мая): „Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними (славянофилами)—я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами (западниками)—человѣкъ востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти односторонніе опредѣленія не годятся".

*) Беру цитату изъ книги г. Батуринскаго: „А И Герценъ, его друзья и знакомые" т. I стр. 115 Для лицъ, изучающихъ жизнь и дѣятельность Герцена, эта книга представляетъ превосходное пособіе.

Повидимому, въ славянофильствѣ Кирѣевскихъ, К. Аксакова Хомякова ему чуялась тогда какъ бы заря грядущаго возрожденія Россіи и всего славянства, какъ національнаго цѣлаго. Несомнѣнно, что его привлекалъ широкій демократизмъ славянофиловъ, которымъ эти послѣдніе выгодно отличались отъ многихъ западниковъ того времени. Несомнѣнно и то, что онъ, лелѣя „русскую“ или „славянскую“ идею, обращалъ—вопрек правовѣрнымъ славянофиламъ—свой взоръ къ будущему, а не къ прошлому. Для него это не была реставрація исторически отжившихъ идей и формъ, а починъ въ историческомъ дѣлѣ созданія будущаго, пути котораго—казалось ему тогда—не должны расходиться съ путями общеевропейскаго прогресса. Онъ не идеализировалъ московскую Русь, какъ это дѣлали славянофилы, и въ согласіи со всѣми западниками—чтилъ Петра Великаго, котораго славянофилы ненавидѣли.

Прочтемъ еще слѣдующее („Дневникъ“, подъ 12 мая того же 1844 г.): „Истиннаго сближенія между ихъ (славянофиловъ) воззрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе.... Съ полною гуманностью, подвергаясь упрекамъ со стороны своихъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнить хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и нетерпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумятремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало.... Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду—Самаринъ; но и у него еще много твердо и исключительно славянскаго. Аксаковъ (Конст.) во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и онъ не поднимется дальше москвофиліи“.

Отсюда, между прочимъ, видно, что Герценъ выше всего ставилъ идеалъ общечеловѣческій и въ воззрѣніяхъ славянофиловъ цѣнилъ то, что казалось ему отвѣчающимъ этому идеалу. Послѣдній, разумѣется, не былъ чуждъ и славянофиламъ, но понимали-то они его слишкомъ узко, слишкомъ своеобразно Кромѣ того, они, какъ всѣ фанатики національной идеи, подчинялись въ своихъ взглядахъ на вещи и въ своей критикѣ той нераціональной точкѣ зрѣнія, которую всего лучше выражаетъ поговорка: не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ. Въ

БИБЛИОТ... КОММУНИСТИЧ... АКАДЕМИИ...

общечеловѣческомъ идеалѣ они одобряли то или иное не потому, что оно-само по себѣ хорошо, а потому, что оно казалось имъ совпадающимъ съ „русскимъ воззрѣніемъ“, которое имъ было „мило“. Было бы, конечно, большою несправедливостью утверждать, что у нихъ совсѣмъ не было критическаго отношенія ко всему „русскому“ и что они огуломъ отвергали все европейское. Въ ихъ критикѣ, какъ русскихъ, такъ и западноевропейскихъ „началъ“ найдется немало вѣрнаго и мѣткаго... Но критика и система идей—одно, а психологія умовъ и направленій это—другое. Въ области психологіи славянофильства, какъ и всякаго національнаго, приведенная выше поговорка примѣнима какъ нельзя лучше. Загляните въ „нутро“ любого націоналиста, хотя бы наиболѣе умѣреннаго и прогрессивно-настроеннаго, и вы увидите, что онъ одержимъ тою пристрастною, „физіологическою“, по опредѣленію Герцена ирраціональною любовью къ „родному“, „своему“, которая ослѣпляетъ взоръ, съуживаетъ горизонты мысли и дѣлаетъ человѣка недостаточно воспріимчивымъ къ истинной гуманности, къ широкимъ—всечеловѣческимъ—симпатіямъ и къ высшему—сверхнаціональному—идеалу, основанному на выводахъ раціональной мысли и на внушеніяхъ самаго раціональнаго изъ чувствъ—чувства с п р а в е д л и в о с т и.

И если мнѣ предъявятъ (да я и самъ могъ бы это сдѣлать) рядъ цитатъ изъ сочиненій славянофиловъ,—цитатъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что имъ не чужды были всечеловѣческія симпатіи и чувство справедливости, я все-таки буду на-сторожѣ и приведу другой рядъ цитатъ оттуда же, показывающихъ, что, напр., у нихъ славянская идея была замаскированнымъ русскимъ, (даже великорусскимъ) націонализмомъ, почти „партикуляризмомъ“, и что, фанатически любя Россію и все „истинно-русское“, они принимали историческія (слѣдов.—временныя) формы быта, государственности, религіи и т. д. за неотъемлемую принадлежность самой національности. А если такъ, то можно ли серьезно говорить объ общечеловѣческомъ идеалѣ славянофиловъ?

Герценъ, напротивъ, всегда лелѣялъ широкій общечеловѣческій идеалъ и потому никогда не былъ правовѣрнымъ славянофиломъ, и сближаясь съ славянофилами живымъ чувствомъ націо-

нальности и—также ирраціональною—любовью къ „русскому быту", „русскому складу ума" и т. д,—всегда оставался въ рядахъ западниковъ.

III

Обращаясь къ западничеству 40-хъ годовъ, мы скажемъ, что существеннымъ отличіемъ этого направленія было не пресловутое преклоненіе передъ европейскою цивилизаціею, къ которой многіе западники умѣли относиться критически не хуже славянофиловъ, а нѣчто болѣе существенное, имечно— психологическое тяготѣніе къ Европѣ, къ свѣту мысли, къ движенію умовъ, къ сокровищамъ науки, философіи, искусства, къ освободительнымъ идеаламъ, ко всему, чѣмъ такъ выгодно отличалась Европа отъ Россіи. И это тяготѣніе отнюдь не приводило къ отрицанію національности. Напротивъ, оно оздоровляло національность критикою ея недостатковъ и преходящихъ формъ ея историческаго выраженія. Большимъ преимуществомъ западниковъ было то, что они не знали власти того приподнятаго, фанатическаго чувства національности, какимъ отличались славянофилы, равно какъ и того, которое было свойственно Герцену. Это не мѣшало, конечно, западникамъ любить родину и оставаться русскими людьми. Бѣлинскій напр. былъ истинный патріотъ—не меньше К. Аксакова. Но, въ противоположность послѣднему, великій критикъ былъ совершенно свободенъ отъ русскихъ національныхъ пристрастій,— и не упускалъ случая подвергнуть критикѣ тѣ или другія черты нашего національнаго характера. Онъ, напримѣръ, высмѣивалъ пресловутую „широкую русскую натуру", русское „авось" и „небось". Въ противовѣсъ этому, прочтемъ слѣдующія строки изъ „дневника" Герцена, набросанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Мертвыхъ душъ": „..Мертвыя души" Гоголя—удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадежный. Тамъ, гдѣ взглядъ можетъ проникнуть сквозь тину нечистыхъ, навозныхъ испареній, тамъ онъ видитъ удалую, полную силы національность... Грустно въ мірѣ Чичиковыхъ— такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ: и тутъ,

и тамъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на будущее. Но вѣру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упованіе ins Blaue, а имѣетъ реалистическую основу кровь какъ то хорошо обращается у русскаго въ груди".. Очевидно, Герцену былъ очень по душѣ знаменитый лиризмъ „Мертвыхъ Душъ", тотъ подъемъ національнаго чувства, съ которымъ Гоголь воспѣвалъ Русь „изъ прекраснаго далека"—и „птицу—тройку"—символъ Руси, и „бойкій русскій умъ" Подъ впечатлѣніемъ этихъ мѣстъ поэмы, Герценъ заноситъ въ свой „дневникъ": „Я часто смотрю изъ окна на бурлаковъ, особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣньемъ, они ѣдутъ на лодкѣ, крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья, и потомъ въ бурю— какая дерзость, смѣлость, летитъ себѣ". (Подъ 11 іюня 1842 г.)—„Но"—добавляетъ онъ—„все это и одной іотой не уменьшаетъ горечь жизни"..

Придетъ время, когда такое націоналистическое любованіе русскимъ—идеализированнымъ—національнымъ складомъ въ извѣстной мѣрѣ скраситъ „горечь жизни" Герцена, горечь его разочарованій, тоску изгнанія.

Тогда онъ напишетъ слѣдующія строки.

„Пора знакомить Европу съ Русью... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго *отроческую силу* она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ: разскажемъ ей объ этомъ *мощномъ и не разгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ 60 милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала*, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ *который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры* подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться—отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина.."[1])

---

[1]) Изъ предисловія къ знаменитой книгѣ „Съ того берега". Курсивъ мой Сочиненія А. И Герцена, С.-Петербургъ 1905 т V. стр. 172—173.)

Послѣдовательный западникъ могъ бы подвергнуть эту тираду уничтожающей критикѣ, хотя бы такъ, какъ позже, въ 60-хъ годахъ, критиковалъ славянофильство Герцена и другихъ Тургеневъ въ остроумныхъ письмахъ къ Герцену и въ злыхъ рѣчахъ Потугина.

Но въ 50-хъ годахъ такая критика была бы неумѣстна Наканунѣ великой реформы славянофильство и родственныя ему направленія общественной мысли обнаруживали гораздо большую жизненность, чѣмъ традиціонное западничество, проявляясь своею лучшею, прогрессивною и демократическою, стороною Самъ Тургеневъ, этотъ неисправимый западникъ, относился тогда къ славянофильству съ большою мягкостью (свидѣтельствомъ чего служатъ и „Дворянское гнѣздо“ съ центральною фигурою славянофила Лаврецкаго, и дружеская переписка съ Аксаковыми).

Періодъ критики славянофильскихъ идей наступилъ позже, приблизительно во второй половинѣ 60-хъ годовъ. „Дымъ“ Тургенева и его письма къ Герцену, относящіяся къ этому времени, были однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій конфликта между новымъ славянофильствомъ и новымъ западничествомъ. Въ отвѣтныхъ же письмахъ Герцена и въ нѣкоторыхъ его статьяхъ того времени мы имѣемъ любопытный „психологическій документъ“, по которому мы можемъ составить себѣ вѣрное представленіе объ интимной, строго-субъективной, душевной сторонѣ національзма Герцена и его русссфильскихъ иллюзій.

III.

Національнизмъ и соціализмъ Герцена.

I.

Національнизмъ Герцена выгодно отличался отъ національнизма правовѣрныхъ славянофиловъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ никогда не былъ и не могъ быть консервативнымъ и не таилъ въ себѣ, даже въ зародышѣ, въ возможности, никакихъ реакціонныхъ элементовъ; это былъ національнизмъ прогрессивный, критическій и освободительный; онъ отличался рѣзко выраженнымъ демократическимъ направленіемъ и сочетался съ идеями европейскаго соціализма въ той формѣ, въ какую онѣ вылились къ концу 40-хъ годовъ; 2) національнизмъ Герцена не былъ доктриною и не заключалъ въ себѣ ничего ни доктринерскаго, ни догматическаго; это былъ, если можно такъ выразиться, національнизмъ „натуральный", психологическій, онъ глубоко коренился въ самой натурѣ Герцена, сплетаясь незримыми узами съ особенностями его ума и дарованія.

Національное чувство было всегда довольно живо у Герцена (какъ это видно, между прочимъ, изъ дневника), но, при этой живости, оно еще не переходило въ національнизмъ,— пока Герценъ оставался въ Россіи. Заграницей оно обострилось, стало ярче, дѣятельнѣе, настойчивѣе и, наконецъ, достигло той степени напряженности, при которой всякое чувство отражается въ умственной сферѣ,—какъ мысль, какъ идея.

Національнизмъ есть именно извѣстная идея, а потомъ и доктрина, „философія", политическая программа и т. д., возникающія подъ давленіемъ національнаго чувства,—и о немъ прихо-

дится сказать тоже самое, что въ большей или меньшей мѣрѣ примѣнимо ко всѣмъ продуктамъ мысли, порожденнымъ работою чувства: эти продукты могутъ быть интересны, содержательны, остроумны, умны, но они—*не разумны, не раціональны*. Здѣсь нѣтъ противорѣчія: чувства (не всѣ въ одинаковой степени), по самой психологической природѣ своей,— ирраціональны, неразумны, и это фатально отражается на тѣхъ умственныхъ актахъ, на тѣхъ идеяхъ, ученіяхъ, доктринахъ и т. д., которыя возникаютъ въ сферѣ мысли подъ давленіемъ чувствъ, въ особенности, если это—чувства приподнятыя, разгоряченныя. Тогда продукты мысли по необходимости получаютъ отпечатокъ своеобразной ирраціональности, который нерѣдко придаетъ имъ заманчивую привлекательность, но въ тоже время является ихъ ахиллесовой пятой. Они могутъ имѣть большой успѣхъ, но раньше или позже они будутъ безповоротно осуждены на судилищѣ раціональной мысли ... Яркіе примѣры, польскій мессіанизмъ Мицкевича, религіозно-моральныя ученія Толстого, „философія“ Ницше... Къ этому-то порядку умственныхъ явленій принадлежалъ и русскій націонализмъ Герцена

II

Приблизительно такимъ же характеромъ ирраціональности отличался и *соціализмъ* Герцена. Онъ также возникъ силою *чувства*,—того романтическаго и барскаго состраданія и симпатіи къ народу, которое нѣкогда „культивировалось“ у насъ въ помѣщичьихъ культурныхъ уголкахъ и въ интелигентныхъ кружкахъ. Оно развивалось подъ вліяніемъ просвѣтительной литературы XVIII вѣка и начала XIX, романтизма и, наконецъ, ученій утопистовъ. Изъ воспоминаній Герцена видно, какъ обаятельно дѣйствовали на юные умы идеи Сенъ-Симона. Они воспринимались какъ родъ откровенія, какъ новое евангеліе. Соціальная утопія являлась—у Герцена въ особенности—не столько пріобрѣтеніемъ мысли, сколько школою для воспитанія альтруистическаго чувства, которое у него, какъ и у Огарева, пріобрѣтало характеръ настроенія психологически-религіознаго. И до конца дней своихъ онъ такъ и остался съ этимъ *отпечаткомъ психологи-*

ческой религіозности въ своихъ соціалистическихъ воззрѣніяхъ,—и вотъ почему онъ не могъ сдѣлаться адептомъ раціональнаго, научнаго, экономическаго соціализма, установленнаго Карломъ Марксомъ, и остановился на той переходной стадіи въ развитіи европейской соціалистической мысли, на которой она, уже переставъ быть утопіей, еще оставалась революціонною мечтою, порывомъ чувства, страстнымъ протестомъ, моральнымъ „символомъ" новой „вѣры"

Такимъ образомъ, между соціализмомъ и національностью Герцена усматривается нѣкоторое психологическое средство Оба они были идеологію, возникшею изъ дѣятельности извѣстныхъ чувствъ И въ самихъ этихъ чувствахъ было нѣчто общее, нѣчто роднившее ихъ: это именно то, что можно назвать сентиментальнымъ тяготѣніемъ гуманнаго барина къ народной массѣ. Поэтому русскій національность Герцена получилъ направленіе демократическое и народническое, а его соціализмъ вылился въ форму живой симпатіи къ революціонному рабочему движенію въ Зап. Европѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ форму излишней антипатіи къ западно-европейской буржуазіи, къ „мѣщанству", окончательно восторжествовавшему послѣ революціи 1848 года. Эти столь характерныя для русскаго барина-идеалиста отношенія Герцена къ европейскому соціальному движенію ярко отразились въ извѣстномъ эпизодѣ его знакомства и сотрудничества съ Прудономъ, о чемъ съ обычнымъ блескомъ разсказано въ одной изъ главъ „Былого и Думъ". Какъ многое въ событіяхъ внѣшней жизни Герцена, такъ и этотъ эпизодъ явился живой иллюстраціей и какъ бы знаменіемъ того, что переживалъ этотъ великій человѣкъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ,—въ жизни души своей. Русскій баринъ Герценъ и французскій мужикъ Прудонъ подали другъ другу руку, сойдясь въ общей имъ ненависти къ буржуазной реакціи и въ общемъ культѣ народа

Происхожденіе и психологія національность и соціализма Герцена, бѣгло намѣченныя выше, заслуживали бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Но сейчасъ у насъ на очереди другое: пріймемъ этотъ національность и соціализмъ Герцена, какъ фактъ, какъ извѣстное умонастроеніе и порядокъ соотвѣтственныхъ

чувствъ, и посмотримъ, въ какомъ видѣ являлась ему западно-европейская и русская дѣйствительность сквозь дымку этой идеологіи.

Въ „Былое и Думы“ и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ Герцена есть удивительныя страницы, гдѣ онъ со всѣмъ блескомъ своего ума и таланта передаетъ результаты своихъ наблюденій надъ психологіею западно-европейскаго человѣка. Отличительная черта этихъ живыхъ характеристикъ—своеобразный романтизмъ: въ современной Европѣ Герценъ видитъ оскупѣніе, измельчаніе жизни, нѣкогда столь богатой и широкой; ему чудится, что Европа утратила былую силу творчества, замѣненнаго нынѣ дрессировкой, выучкою; въ особенности же претитъ ему наплывъ „мѣщанской“ узкости и пошлости. Не по душѣ ему и Франція, и Германія; Англію онъ также не любитъ, но отмѣчаетъ въ ней кое-что, достойное удивленія и уваженія. Только Италія, тогда одна изъ наиболѣе отсталыхъ странъ, привлекаетъ къ себѣ его симпатіи: она сохраняла еще остатки прошлаго, какое то, еще не растраченное, наслѣдіе старой культуры и не поддавалась новѣйшей нивелировкѣ и буржуазному опошленію. Гарибальди представляется ему истинно античнымъ героемъ—„лицомъ, цѣликомъ выхваченнымъ изъ Корнелія Непота“. Мадзини, Саффи и другіе итальянскіе патріоты и конспираторы внушаютъ ему живѣйшее чувство симпатіи, уваженія, удивленія въ нихъ онъ цѣнитъ благородство и изящество аристократическаго типа, завѣщаннаго стариною; онъ любуется ими, даже просто ихъ внѣшностью и манерами; онъ не упускаетъ случая отмѣтить всѣ преимущества ихъ, какъ умовъ, натуръ, характеровъ, передъ революціонерами и эмигрантами другихъ національностей, въ особенности—нѣмецкой. Для характеристики французовъ и нѣмцевъ онъ не щадитъ ядовитыхъ строкъ своего остроумія и сарказма и зачастую подлежитъ упреку въ несправедливости и предвзятости мнѣнія. Изъ французовъ онъ высоко ставитъ весьма немногихъ, и прежде всего и выше всѣхъ—Прудона, потому что онъ не похожъ на прочихъ революціонеровъ, радикаловъ, соціалистовъ: онъ рѣзко своеобразенъ, въ немъ нѣтъ и тѣни пошлости, нѣтъ шаблона революціонной фразы и позы. Онъ—мужикъ и, какъ таковой, по своему является выходцемъ

какъ-бы изъ другого міра, правда, не изъ античнаго и не изъ эпохи возрожденія, какъ итальянскіе патріоты, но все-таки изъ среды, также поддающейся романтической идеализаціи,—изъ народной, крестьянской массы, еще не цѣликомъ испорченной современною заразою „мѣщанства".

Буржуазія, „мѣщанство"—bête noire Герцена Онъ относится къ новой буржуазной Европѣ съ брезгливостью романтика и барина, которому претитъ мелкая жизнь, ограниченность кругозора, пошлость „лавочниковъ" (какъ онъ выражался), начиная крупными дѣльцами и кончая всякимъ людомъ, вышедшимъ изъ низшихъ слоевъ, оторвавшимся отъ народной массы и способнымъ, будто бы, усвоить себѣ только внѣшнюю сторону культуры..

Герцену кажется (и совершенно напрасно), что буржуазія убиваетъ искусство и всякое высшее творчество. Въ статьѣ „Концы и начала" (гдѣ онъ возражаетъ на западническія воззрѣнія Тургенева), онъ говоритъ, между прочимъ:

„ — Весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсенъ для искусства. Искусство вянетъ въ немъ, какъ зеленый листъ въ хлорѣ..." [1]) —Буржуазный строй жизни, по его мнѣнію, противорѣчитъ развитію личности; все рѣзко индивидуальное гибнетъ подъ наплывомъ нивелирующей посредственности. Указывая на это, онъ, однако, признаетъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ повышается уровень благосостоянія, расширяется сфера „сытости". Онъ говоритъ: „Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стертые люди сытѣе; платья дюжинныя не заказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но растетъ ея благосостояніе..."

Передъ нами—любопытная иллюзія, которую раздѣляли съ Герценомъ и нѣкоторые другіе мыслители, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе. Восхожденіе буржуазіи встрѣчалось съ недовѣріемъ къ ея, такъ сказать, культуро-спосовности, съ опасеніями за судьбу высшей—умственной—культуры. Въ существѣ дѣла это были чувства аристократическія, классовыя. У Герцена,

[1]) Сочиненія А И Герцена, С.-Петерб. 1905, т V, стр 356

какъ и у нѣкоторыхъ другихъ противниковъ буржуазіи, они принимали обличіе и направленіе демократическое: протестъ противъ буржуазіи и буржуазности высказывался не во имя реставраціи старыхъ порядковъ, а во имя науки, искусства, философіи, вообще—высшихъ стремленій духа человѣческаго.

Излишне пояснять, какъ блистательно опровергла жизнь эти напрасные страхи XIX-й вѣкъ былъ вѣкомъ торжества буржуазіи, первыхъ всходовъ демократіи и дотолѣ неслыханной и невиданной демократизаціи культуры,—и все это ничуть не помѣшало ему создать огромныя цѣнности высшей мысли и творчества. Буржуазія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и историческихъ „прегрѣшеніяхъ“, оказалась на высотѣ своей исторической миссіи и проявила незаурядную энергію чуть-ли не на всѣхъ своихъ поприщахъ матеріальной и духовный культуры. Создавая новыя—и, въ иныхъ случаяхъ, на первыхъ порахъ болѣе тяжкія, чѣмъ прежнія,—формы эксплоатаціи народнаго труда, буржуазія однако же создала правовыя нормы и—впервые въ исторіи человѣчества—дала трудящемуся классу возможность экономической и политической организаціи. Далѣе, что касается развитія личности, то буржуазія въ этомъ отношеніи не только не пошла назадъ, но сдѣлала огромный шагъ впередъ: выдвигая и обостряя классовыя противорѣчія, она уничтожила старинныя сословныя разграниченія и отличія, которыя въ прежнее время и являлись главнѣйшимъ препятствіемъ развитію личности. Личность гораздо успѣшнѣе развивается въ огромной „разношерстной“ толпѣ класса, собранной отовсюду, чѣмъ въ тѣсной и одноформенной группѣ сословія, касты, цеха, и т д. Уничтоженіе этихъ перегородокъ и дало могучій импульсъ тому психологическому индивидуализму, которымъ такъ рѣзко ознаменовался вѣкъ господства индивидуалистическаго буржуазнаго строя жизни. Классовая буржуазная психика растяжима и эластична; она не стѣсняетъ, не подавляетъ человѣческую индивидуальность такъ, какъ подавляли ее сословныя, профессіональныя и разныя другія (напримѣръ, мѣстныя—этнографическія) психическія формаціи. Къ тому же буржуазная психика не имѣетъ той цѣльности, какою отличалась старая аристократическая; она разнообразится и варіируется до безконечности, незамѣтно, рядомъ нисходящихъ ступеней, спускаясь

къ низшимъ слоямъ населенія, къ народнымъ массамъ. Буржуазія фактически опровергла легенду о бѣлой и черной кости, и это одно даетъ ей право на признательность демократіи, призванной замѣнить буржуазію на исторической сценѣ.

Прочтемъ еще слѣдующія строки Герцена (изъ той же статьи): „Заработавшая себѣ копейку толпа одолѣла и по своему жуируетъ и владѣетъ міромъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ ей (нѣтъ) никакой необходимости." (Сочин., V, 357)— „Мѣщанство—послѣднее слово цивилизаціи основанной на безусловномъ самодержавіи собственности,—демократизація аристократіи,—аристократизація демократіи .. снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться . Нѣмецкій крестьянинъ—мѣщанинъ хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—будущій мѣщанинъ .. (тамъ-же).—Такимъ образомъ Европѣ, по мнѣнію Герцена, предстоитъ еще долгій періодъ повальнаго мѣщанства. Выходъ изъ этого положенія"—говоритъ онъ—„далекъ. За большинствомъ, теперь господствующимъ, стоитъ еще большее большинство кандидатовъ на него, для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства—единственная цѣль стремленій.." (V 360). —И міръ наводнится сѣрой толпой, алчущей вкусить отъ матеріальныхъ благъ культуры и неспособной воспріять ея высшія—духовныя—пріобрѣтенія. Народнымъ массамъ (въ Европѣ предстоитъ участь обуржуазиться: „Міръ безземельный, міръ городского преобладанія, до крайности доведеннаго права собственности не имѣетъ другого пути спасенія и весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ нашихъ глазахъ отстало, а въ глазахъ полевого населенія и пролетаріевъ представляетъ образованность и развитіе..." (тамъ-же).—

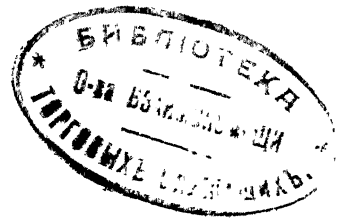
Совершенно естественно, что всякій „восходящій" классъ или слой населенія прежде всего усваиваетъ матеріальныя блага цивилизаціи. И въ этомъ нѣтъ ничего огорчительнаго: усвоивъ матеріальныя блага, онъ доберется и до духовныхъ, не исключая и высшихъ этическихъ и эстетическихъ цѣнностей. Старая мысль, что для ихъ усвоенія нужно перевоспитаніе цѣлыхъ поколѣній, есть предразсудокъ, подлежащій сдачѣ въ архивъ вмѣстѣ съ другимъ предразсудкомъ, гласящимъ, что для этого усвоенія нужна,

еще какая-то „порода“: вѣдь народная масса въ культурныхъ странахъ Европы — не дикари, не варвары,—онѣ достаточно воспитаны вѣками въ трудѣ, въ борьбѣ за существованія. Пробужденіе у нихъ высшихъ интересовъ—вопросъ времени. Прямой путь къ высшей духовной культурѣ, въ томъ числѣ къ этикѣ и эстетикѣ, идетъ, выражаясь грубо, черезъ „сытость“. черезъ повышеніе уровня потребностей. Правда, на этомъ пути разставлено много соблазновъ, въ числѣ которыхъ видную роль играютъ пороки господствующаго класса. Вновь восходящій классъ подражаетъ своему предшественнику, усвояя часто его отрицательныя стороны. Буржуазіи подражала аристократія,— демократія будетъ подражать буржуазіи. Это неизвѣство, и большой бѣды въ этомъ нѣтъ. Не надо забывать, что, приближаясь къ концу своего историческаго поприща, господствующій классъ приходитъ въ состояніе упадка и по необходимости заражаетъ историческую атмосферу тлѣніемъ своей разлагающейся мысли и морали. Такъ это было въ эпоху упадка аристократіи, такъ это отчасти наблюдается и теперь—въ эпоху разслоенія и демократизаціи буржуазной культуры. Но новыя начала, выдвигаемыя новыми пришельцами,—въ естественномъ союзѣ съ высшими духовными благами, выработанными раньше и давно уже превратившимися изъ классовыхъ въ обще-человѣческія, — легко уничтожатъ тлѣніе и порчу цивилизаціи, и обновляющаяся жизнь расцвѣтетъ на перегнившей почвѣ старой культуры, широко раздвигая горизонты человѣчества и подъемля его идеалы все выше и выше.

Эта историческая перспектива, которую можно было уже видѣть въ 60-хъ годахъ [1]), не была видна Герцену: дѣйствительность и историческій ходъ вещей въ Европѣ затуманивались у него тѣмъ „романтизмомъ“ и тѣмъ безсознательнымъ „барствомъ“, на которые я указалъ выше.

---

[1]) Статья „Концы и Начала“ написана въ 1864 г



IV.

Русскій мессіянизмъ Герцена.

I.

Съ годами все мрачнѣе смотрѣлъ Герценъ на западно-европейскую цивилизацію,—безотраднымъ казалось ему ея настоящее, сомнительнымъ, если не безнадежнымъ, ея будущее,—но тѣмъ отраднѣе было ему отдыхать душою на мысляхъ о далекой родинѣ, на мечтѣ о грядущихъ судьбахъ Россіи. Европа изживаетъ свои силы,—думалъ онъ,—Россія только еще накопляетъ ихъ. Европа на своемъ долгомъ историческомъ пути дошла до „мѣщанства“ и, если когда нибудь пойдетъ дальше, то очень, очень не скоро,—ей предстоитъ еще долгая эра все того же мѣщанства, въ которомъ, пожалуй, она истратитъ свои послѣднія силы. Въ Россіи, напротивъ, не было и нѣтъ буржуазіи въ европейскомъ смыслѣ,—наше купечество и мѣщанство—только сословіе, а не правящій классъ; ни дворянство, ни народъ у насъ не заражены буржуазнымъ духомъ,—и Россія не пройдетъ „мѣщанствомъ“. Герценъ, какъ и многіе въ то время, не предвидѣлъ той „эволюціи“, которая весьма явственно обозначилась вскорѣ: превращенія нашего старомоднаго купечества и мѣщанства, а также и значительной части дворянства въ настоящую „буржуазію“—на подобіе европейской, только безъ заслугъ и идеологіи этой послѣдней; не допускалъ онъ и мысли о выдѣленіи изъ самаго народа мелко буржуазныхъ слоевъ и не вѣрилъ Тургеневу, утверждавшему, что въ мужикѣ сидитъ прирожденный „буржуй“. Герценъ твердо стоялъ на томъ, что Россія, какъ страна земледѣльческая, мужицкая, демократическая,

да еще къ тому же сохранившая сельскую общину, пойдетъ къ своему будущему совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ шла Европа,— и наше будущее должно существенно отличаться отъ тѣхъ формъ, какія создала и въ которыхъ увядаетъ Европа. Община предохранитъ Россію отъ язвы пролетаріата и явится естественною ячейкою, изъ которой разовьется грядущій строй жизни... Создавъ этотъ строй, Россія обновитъ Европу, поможетъ ей выбраться изъ мѣщанскаго болота на свѣтъ Божій.. Ex oriente lux!

Европа, въ сущности, давно состроилась,—думалъ Герценъ,— зданіе ея цивилизаціи давно закончено, и нынѣ происходитъ только, такъ сказать, перемѣщеніе обитателей этого зданія. Въ аппартаментахъ аристократіи водворилась буржуазія, на смѣну ей придутъ „мѣщане“ низшаго разбора,—и ничего, кромѣ порчи и загрязненія аппартаментовъ цивилизаціи, отъ этого не предвидится..

Россія только начинаетъ строиться.. „У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, сбразованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится, все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропила и вѣхи...“ — Такъ писалъ онъ въ статьѣ „Концы и Начала“, возражая западнику Тургеневу, который, конечно, зналъ, что Россія строится, но не видѣлъ въ этомъ особаго преимущества ея передъ Европой,— и полагалъ, что рано или поздно Россія состроится все по тому же европейскому образцу.

Оскудѣніе творческихъ силъ Европы и, въ противоположность этому, избытокъ неиспользованныхъ силъ Россіи,—это славянофильская антитеза была одною изъ завѣтныхъ идей Герцена, которую онъ развивалъ и въ извѣстномъ письмѣ къ Мишле, и въ статьяхъ, какъ „Концы и Начала“ и др., и наконецъ въ частныхъ письмахъ. Въ одномъ мѣстѣ, возражая Тургеневу, онъ говоритъ: „ .Общинное владѣніе землей, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырасти новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ. Вотъ почему, любезный другъ, я, средь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, среди темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ, отворачи-

ваюсь отъ предсмертнаго стона великаго борца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій". („Еще варіація на старую тему". Сочиненія А. И Герцена. С.-Петербургъ. 1905, т. V, стр 387).

Не трудно видѣть, какую важную роль въ развитіи этихъ воззрѣній Герцена сыграли тѣ разочарованія, которыя овладѣли имъ послѣ событій 1848 года и ввиду послѣдовавшей почти повсемѣстно реакціи. Онъ разочаровался въ европейскомъ передовомъ движеніи, въ революціонномъ соціализмѣ и не видѣлъ—въ Европѣ—выхода изъ тины мѣщанства, изъ тьмы реакціи. Въ такомъ настроеніи, полномъ скорби, онъ не то, что проглядѣлъ, а не оцѣнилъ по достоинству огромный фактъ—зачинавшейся экономической и политической организаціи рабочаго класса Его мысль, устремленная на созерцаніе отдаленной будущности Россіи, не проникала въ ближайшее завтрашнее будущее обновляющейся Европы,—той Европы, которая не переставала строиться, развиваться, идти впередъ. Онъ ясно видѣлъ только то, что совершалось въ Европѣ реакціонной,—и сквозь эту тьму, заволакивавшую европейскій горизонтъ, ему мерещился вдали, на востокѣ, на родинѣ, отрадный просвѣтъ, словно тамъ занималась заря новой эры для Россіи и для Европы...

Тургеневъ (въ одномъ письмѣ) назвалъ Герцена романтикомъ и художникомъ—въ отношеніи къ вопросамъ жизни. И, дѣйствительно, нужно было имѣть много романтизма въ настроеніи и въ складѣ ума, чтобы видѣть въ европейской жизни и культурѣ XIX вѣка разложеніе, застой, смерть и говорить о „больномъ и усталомъ Западѣ", а въ русской общинѣ, нашемъ крестьянскомъ „мірѣ", артели усматривать источникъ всемірнаго обновленія.

Присмотримся ближе къ этой иллюзіи. Въ ней, кромѣ романтизма и разочарованія идеолога — соціалиста 40-хъ годовъ, замѣтно еще дѣйствіе и другой душевной пружины,—уже чисторусской.

II.

Русскій человѣкъ, живя подолгу заграницей, невольно отмѣчаетъ ту особенность европейской жизни и психическаго уклада „западнаго человѣка“, которую, за неимѣніемъ лучшаго термина, можно назвать „европейскою к и т а й щ и н о ю“ У насъ ея очень мало, и въ этомъ приходится видѣть, въ одно и то же время, и крупный недостатокъ, „порокъ“ нашей культуры, и (по пословицѣ: нѣтъ худа безъ добра) нѣкоторое наше преимущество. Всякая цивилизація, по необходимости, заключаетъ въ себѣ элементъ „китайщины“. И чѣмъ старѣе и интенсивнѣе культура, тѣмъ этотъ элементъ значительнѣе Вѣками выработанные, стойкіе, вошедшіе въ плоть и кровь культурные навыки и шаблоны мысли, даже шаблоны чувства охватываютъ человѣка, какъ тисками, изъ которыхъ выбиваются только таланты, люди выдающагося ума или характера, а также—одержимые какою либо властною идеею. Средній человѣкъ такъ и остается въ этихъ тискахъ на всю жизнь, даже не чувствуя ихъ гнета Ему удобно мыслить, дѣйствовать, работать, жить—по установленному шаблону. Вѣковыя пріобрѣтенія культуры и мысли перешли въ инстинктъ. Здѣсь, между прочимъ, явственно сказывается присущее всякой культурѣ стремленіе къ экономизаціи силъ. Гораздо экономнѣе—держаться шаблона, чѣмъ изобрѣтать разныя „новшества“, пока разумѣется, этотъ шаблонъ еще пригоденъ, не очень стѣснителенъ. Отсюда — столь извѣстная п с и х о л о г и ч е с к а я к о н с е р в а т и в н о с т ь европейскаго человѣка, которая зачастую такъ поражаетъ насъ, русскихъ

Старая, интенсивная культура, кромѣ столькихъ шаблоновъ быта, мысли и морали, создаетъ еще и то, что можно назвать—условно—„тѣснотою“ жизни. Тамъ, гдѣ всѣ поприща и всѣ закоулки жизни давно и хорошо разрабатываются,—человѣку, хотя и удобно, но т ѣ с н о,—негдѣ ему разойтись, разгуляться. И онъ привыкаетъ работать и мыслить, такъ сказать, вглубь а не въ ширь Онъ не рискуетъ на творческій починъ, не рѣшается проявить свою оригинальность, предоставляя это тѣмъ, кто призванъ къ этому, кто одаренъ особымъ даромъ творчества, геніемъ. Отсюда — извѣстная не то робость, не то скромность

средняго европейца въ его культурной работѣ, боязнь „новыхъ словъ“ или недовѣріе къ нимъ. Онъ знаетъ, что, выступи онъ съ чѣмъ нибудь своимъ, оригинальнымъ, — въ лучшемъ случаѣ окажется, что онъ открылъ давно-открытую Америку. Онъ знаетъ цѣну себѣ, не умаляетъ ее, но и не преувеличиваетъ. Тургеневъ въ „Дымѣ“ отмѣчаетъ эту черту словами Потугина: „. У послѣдняго нѣмецкаго флейщика, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ больше идей, чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ; только флейщикъ хранитъ про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ въ отечествѣ Моцартовъ и Гайдновъ“,— Это наблюдается во всѣхъ сферахъ жизни: въ техникѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ политикѣ... Интенсивная культура, создавая и окрыляя геніевъ, героевъ творческой мысли и творческаго дѣла, тяжело ложится на психику средняго, хотя бы и талантливаго, дѣятеля, не позволяя ему дерзать; этотъ отказъ средняго человѣка отъ „дерзновеній“ мысли и дѣла порождаетъ въ постороннемъ, недостаточно-вдумчивомъ наблюдателѣ (въ особенности — русскомъ) иллюзію, будто европейская цивилизація нивелируетъ людей, убиваетъ оригинальность, стираетъ индивидуальныя отличія, превращая поколѣнія въ культурное, хорошо дрессированное, стадо. Это очевидная ошибка: такая нивелировка дѣйствительно совершалась нѣкогда въ тѣсныхъ предѣлахъ группъ, на которыя распадалось общество (въ сословіяхъ, цехахъ и т. д.): нынѣ, когда эти группы растворились въ большихъ классахъ, этотъ процессъ уступилъ мѣсто самой широкой индивидуализаціи. Самый средній и скромный европеецъ имѣетъ, несомнѣнно, свою отчетливо выраженную „физіономію“. Мы, русскіе, часто смѣшиваемъ индивидуальность съ „размахомъ“. Не находя въ европейцѣ „размаха“, почина, дерзновенія, мы ошибочно заключаемъ, что у него нѣтъ ярко выраженной личности.

Европейская „китайщина“ тѣмъ и отличается отъ всякой другой, что не подавляетъ индивидуальности, а, напротивъ, содѣйствуетъ ея развитію. Не прекращающееся движеніе впередъ— на всѣхъ поприщахъ, неугомонная работа критической мысли обезвреживаютъ относительную косность традиціи и силу шаблона. Сочетаніе консервативности и прогрессивности — отличи-

тельная черта европейской культуры, и наблюдателю нерѣдко трудно уловить границу, гдѣ кончается шаблонъ и гдѣ начинается творчество. Почти всѣ европейскія „новыя слова“ звучатъ какъ то по старому, — и самое новое, самое смѣлое изъ нихъ не является неожиданностью. Его громко выговариваетъ талантъ или геній, послѣ того, какъ долго оно подготовлялось въ скромной работѣ среднихъ тружениковъ Оттого тамъ нѣтъ пропасти между работой генія и работой „простого смертнаго“ и первая не пропадаетъ даромъ,—ея сила, тысячами психическихъ „проводовъ“, распространяется по всей толщѣ культуры, обновляя ея формы и незамѣтно разрушая старые шаблоны.

Русскій человѣкъ, какъ и всякій культурный человѣкъ, разумѣется, имѣетъ свои шаблоны, свои тиски „цивилизаціи“, какая у насъ была и есть. Но наши шаблоны не прочны и часто негодны, они не выдерживаютъ конкурренціи съ европейскими. Русскому человѣку не трудно выйти изъ границъ своего шаблона, и, съ грѣхомъ пополамъ, усвоить себѣ европейскій не принимая, однако, всей тяжести его обязательствъ Освобожденіе отъ своего шаблона, вмѣстѣ съ поверхностнымъ или частичнымъ усвоеніемъ чужого, порождаетъ въ душѣ русскаго человѣка иллюзію психической легкости, приволья, внутренней свободы, личнаго почина, творчества. Русскому человѣку кажется, что онъ очень своеобразенъ, что онъ—ярко-выраженная личность,—не выносящая никакихъ шаблоновъ,—а европеецъ представляется ему такимъ узкимъ, такимъ тусклымъ, такимъ робкимъ... И смѣло, безъ оглядки, безъ удержу перерѣшаетъ онъ вопросы, передъ которыми наилучше вооруженный европеецъ останавливается съ сомнѣніемъ и колебаніемъ. Вспомнимъ хотя бы „философію“ и нѣкоторыя ученія Л. Н. Толстого.. Это типичный образчикъ русской свободы отъ шаблона, русскаго размаха, мысли, идущей въ ширь, а не вглубь,—плодъ культуры исключительно экстенсивной...

Нѣтъ худа безъ добра. Культурность, традиція—дѣло наживное; въ свой чередъ мы перейдемъ къ интенсивной культурѣ и будемъ тогда методичны, осторожны и скромны, какъ европейцы. Тогда не минуетъ насъ и та „китайщина“, которая свойственна всякой интенсивной цивилизаціи... А пока — насъ спа-

саетъ наше наивное самомнѣніе, нашъ смѣлый порывъ, нашъ удалой размахъ. Въ немъ есть что-то своеобразное (порою сбивающееся, правда, на нѣчто—въ хорошемъ, впрочемъ, смыслѣ—Хлестаковское)—что-то нерѣдко геніальное, что-то Гоголевское, что-то Герценовское,—и, кто знаетъ, не этой ли особенности нашей мы обязаны тѣмъ, что въ ожиданіи грядущей прогрессивной, европейской „китайщины", мы такъ легко избавляемся (со временъ Петра В.) отъ своей собственной „истинно-русской китайщины", которая не только не прогрессивна, но и не жизнеспособна..

III.

Черта нашего духовнаго склада, о которой мы вели рѣчь, ощущается въ большей или меньшей мѣрѣ всѣми нами, но далеко не всѣ подчиняются той иллюзіи, которая оттуда возникаетъ. Тургеневъ, напр., не только не подчинялся ей, но очень зло критиковалъ ее, можно сказать, издѣвался надъ нею (въ „Дымѣ" и въ письмахъ къ Герцену). Напротивъ, Герценъ всецѣло былъ подъ ея властью, и она явилась однимъ изъ главныхъ психологическихъ основаній его „русскаго мессіянизма".

У насъ „бѣдность да бѣдность", дичь и глушь, тьма и гнетъ, всяческое неустройство, безправіе, но все это „искупается — писалъ онъ—пророчествующими радугами и великими образами, постоянно вырѣзывающимися изъ за тумана..

Увы, на трезвый, чудный романтизма и мистики, взглядъ, наше неустройство и вся наша „мерзость запустѣнія" отнюдь не искупается никакими пророческими радугами, никакими — даже величайшими—образами. Да и позволительно ли строить будущность огромной отсталой страны на такомъ, болѣе, чѣмъ шаткомъ, основаніи, какъ эти „радуги" и „образы"? Если взять и собрать во-едино все дѣйствительно великое, что создала Россія въ области мысли и творчества, то все это на фонѣ нашей бѣдности и тьмы представится—какимъ то страннымъ недоразумѣніемъ, какимъ то миражемъ, какою-то несообразностью. Нѣтъ элементарныхъ культурныхъ благъ и правъ, періодически просто

нѣтъ хлѣба, большинство населенія изнываетъ въ нищетѣ, безправіи и невѣжествѣ... За то есть великіе писатели, есть удивительные поэты. „На приказъ Петра В образоваться, русскій народъ отвѣтилъ грандіознымъ явленіемъ Пушкина“, писалъ Герценъ,—а самъ до сихъ поръ такъ и остался безграмотнымъ,—добавимъ мы.

На поприщахъ мысли и творчества мы, можно сказать, догоняемъ Европу и даже—кое въ чемъ—опередили ее. Но въ матеріальной культурѣ, въ экономическомъ и политическомъ развитіи мы далеко отстали не только отъ Европы, но и отъ Японіи. Это противорѣчіе такъ бьетъ въ глаза, что иной, слишкомъ скорый въ сужденіяхъ и слишкомъ огорченный патріотъ склоненъ, пожалуй, прійти къ безнадежному выводу, что мы, русскіе, по основнымъ особенностямъ нашего національнаго уклада, не способны къ созданію матеріальной культуры и политическому развитію. Но это было бы большой ошибкой... Матеріальная культура—дѣло наживное, хотя и трудное, а политическое воспитаніе общества и народа за послѣдніе годы всетаки замѣтно подвинулось впередъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, гдѣ нужно искать главную причину нашей культурной и политической отсталости. Слишкомъ быстрый ростъ Россіи, какъ міровой державы, со временъ Петра В., при матеріальной, культурной и умственной отсталости страны, истощилъ ее и создалъ тяжелую опеку неподвижной, громоздкой государственности, которая придавила страну и препятствовала развитію у насъ самодѣятельности и общественной иниціативы. И, однако-же, несмотря на все это, Россія всетаки шла къ раскрѣпощенію и освобожденію...

Въ исторіи нашего раскрѣпощенія и освобожденія Герцену принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. И теперь, когда то, о чемъ мечталъ Герценъ, отчасти осуществилось, подобаетъ лишній разъ помянуть великаго человѣка, который посвятилъ этому дѣлу всю жизнь свою и вложилъ въ него весь свой огромный талантъ и всю силу души своей.

Онъ не былъ политическимъ дѣятелемъ въ собственномъ смыслѣ. Онъ былъ мыслитель, публицистъ, беллетристъ, одаренный, кромѣ великаго таланта и блестящаго ума, тѣмъ чисто русскимъ „размахомъ“, о которомъ мы говорили выше И глав-

нымъ образомъ этому послѣднему качеству онъ обязанъ тѣмъ что такъ рано, чуть ни мальчикомъ, онъ разорвалъ всѣ шаблоны, предразсудковъ, оффиціальныхъ, обязательныхъ тогда, понятій, узкой сословной морали, закоренѣлыхъ привычекъ рабо лѣпія Быстро сложился и окрѣпъ въ немъ тотъ высокій строй души, который исключаетъ всякую возможность „примиренія съ дѣйствительностью", какъ тогда выражались, и обрекаетъ человѣка на подвигъ борьбы, на вѣчныя негодованія, на великія скорби. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ величайшему печальнику земли русской—Бѣлинскому,—и вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него дѣлалъ великое дѣло—воспитанія поколѣній въ духѣ человѣловѣчности, которая есть альфа и омега всякаго прогресса.

БИБЛІОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе 3

А. И. Герценъ, (характеристика) 5

Западничество и славянофильство Герцена . . 13

Націонализмъ и соціализмъ Герцена 21

Русскій мессіянизмъ Герцена 29

Сочиненія того-же автора:

1) Этюды о творчествѣ **И. С Тургенева**. Изд. „Оріона".

2) **Л Н. Толстой**, какъ художникъ. Изд. „Оріона".

3) Вопросы психологіи творчества Изд. **Д С. Жуковскаго**.

4) **Гоголь** Изд. „Свѣточа".

5) Исторія русской интеллигенціи. Части I и II Изд. **Саблина**.

6) Синтаксисъ русскаго языка. Изд. **Д. С. Жуковскаго**.